

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПИСЕМ А.П. ЧЕХОВА

Н.А. Ковалёва

Рассматривается коммуникативная ориентация чеховских писем. В зависимости от адресата письма формируется стилевое и стилистическое в тексте, определяются экспрессивно-эмоциональный настрой, оценочная характеристика, способ изложения информации, ее акцент, употребление тех или иных языковых конструкций, типов обращений, заключительных строк письма и прочее.

Taking into consideration the addressee's personality Anton Chekhov wrote to, one may find stylistic component of the text, analyze the author's manner, define the expressive and emotional mood of the text, evaluative characteristics, the form of narration, the accent – parts that are driven attention to by the means of lexical and grammatical means, the use of particular constructions, types of addresses, the final passage of the letter, etc.

Ключевые слова: А.П. Чехов, эпистолярное наследие, коммуникативная ориентация, языковая картина мира, индивидуально-авторское фразеотворчество.

Key words: A.P. Chekhov, epistolary heritage, communicative orientation, language world, language personality, transformation of phraseological units.

Эпистолярное наследие А.П. Чехова можно рассматривать как часть его литературно-художественного наследия, поскольку письма писателя несут в себе свойственные ему особенности построения художественного текста: образность, эмоциональную атмосферу, юмористическую окрашенность. Письма А.П. Чехова – это своеобразные произведения искусства, где образная передача событий максимально приближает их к художественному творчеству.

Говоря словами А.С. Пушкина, А.П. Чехов поднял язык частного письма, «почтовой прозы», на уровень языка художественной литературы.

Письма А.П. Чехова заключают в себе этическое и эстетическое кредо писателя. Желание видеть правила и «правильность» своей обязанности перед обществом отразилось в авторском этическом кредо, которое выражено как изложение своего взгляда на мир, завуалированной формой эго-императива литературного творчества: *«Моя святая святых – это человеческое тело, здоровье, талант, ум, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались»* (А.Н. Плещееву, 4 октября 1888); *«Я согласен, "зерно" – хорошая штука, но ведь литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель, он человек обязанный, законтрактрованный сознанием своего долга и совестью, взявшись за гуж он не должен говорить, что не дюж и, как ему ни жутко, он обязан бороться свою брезгливость, марасть свое воображение грязью жизни...»* (М.В. Киселевой, 14 января 1887).

В письмах А.П. Чехова интересно изложение авторского стилистического кредо, которое он излагает в своих советах к начинающим писателям. Эти литературные советы А.П. Чехова молодым авторам, раскрывающие его художественную стратегию, помогают понять особенности изложения авторской позиции, оценки, суждений. А.П. Чехов пишет о том, что авторская позиция может быть выражена не только прямо, но и скрыто, может быть спрятана за внешне бесстрастной, объективной подачей фактов.

29 апреля 1892 г. он пишет Л.А. Авилевой: *«Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать за-»*

одно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление». Позднее он добавит: «Вы делаете большие успехи, но позвольте мне повторить совет – писать холоднее. Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительное выйдет. Не следует обсахаривать» (Л.А. Авиловой, 1 марта 1893).

Чеховские советы разнохарактерны и разностильны по своим интенциям. В одних случаях это литературные советы, в других – этика поведения, в третьих – бытовое решение проблемы. Личность адресата играет важнейшую роль в форме выражения – к знакомым и близким – разговорное и даже грубо-, или бранно-просторечное, к литературным «соратникам» – образная, живая форма, но стиль не опускается ниже разговорного. В эпистолярных совет – это, скорее, мнение «образа автора», чем выполнимость его адресатом, и потому шутливость типа «посоветую запереть рассказ в сундук» составляют незначительную долю в стиле писателя. Ср.: «*Не могу сказать Вам ничего определенного, посоветую лишь запереть рассказ в сундук и продержать его там целый год, а потом прочесть. Тогда Вам видней будет, я же боюсь решать, боюсь, чтобы не ошибиться*» (Е.М. Шавровой-Юст от 28 февраля 1895); «*Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе*» (Ал.П. Чехову, 4 января 1886); «*Держись в стороне от этих сукиных сынов и не восхваляй их*» (Ал.П. Чехову, 4 сентября 1893); «*Махните на все рукой, пошлите все к чертовой матери и решайтесь*» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 15 апреля 1888).

Для А.П. Чехова, одного из лучших представителей великой русской интеллигенции, иллюкуция нормы связана с понятиями должного и аксиологического (системы авторских ценностей). Именно должно-ценностный фактор и определяет суть авторской позиции, и, следовательно, авторской стратегии в его эпистолярных. «Высокое достоинство долга не имеет никакого отношения к наслаждению жизни; у него есть свой особый закон и свой особый суд» [2, с. 416]. Модальность долженствования порождается интеллектом и отражает добрую волю, что соответствует нравственному закону «в себе» (И. Кант). Эта мысль И. Канта о нравственности долга находит прямое отражение в оценке как своих действий, так и тех, о ком идет речь в письмах А.П. Чехова: «*Какие бы обязанности Вы не возложили на меня, буду ли я временным председателем или просто членом Общества, я одинаково буду стараться оправдать Ваше доверие, быть возможно полезным обществу*» (А.Н. Веселовскому, 2 февраля 1904); «*Буду продолжать, а Вы не забывайте 2-х условий, кои я прилагаю при сем моем согласии: а) продолжайте снисходить слабостям руверским и б) без всяких церемоний уведомьте, ежели на Вашем жизненном пути встретится более подходящий фельетонист*» (Н.А. Лейкину, 25 декабря 1883); «*Я прозевал Ваш юбилей, но Вы великодушны, простите мне это и позвольте мне выпить за Ваше здоровье так сказать, задним числом*» (И.И. Ясинскому, 26 декабря 1895); «*Шлю Вам все, что успел выжать из своих мозговых полушарий, и даю отчет: Левитану заказ передан с объяснением*» (Н.А. Лейкину, 5 января 1886); «*Он дал слово и не сдержал своего слова, а эти иллюстрации дали бы ему имя, хлеб*» (Ал.П. Чехову, 20 февраля 1883).

Личностный взгляд на мир воплощен в чеховских текстах наиболее иллюкутивно, объемно и подробно. Субъективно-оценочный тон составляет «внутренний» текст мнения; он выражается семантическими, стилевыми и стилистическими средствами, накладываемыми на общий смысл высказыва-

ния. Субъективно-модальные значения реализуются лексико-фразеологическими средствами, своеобразием распределения предикатных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста.

В разных текстах модальность проявляется с разной степенью очевидности; вне сомнения, фактор адресата играет главенствующую роль в способах выражения этой очевидности. Другим фактором оценки служит принадлежность к типу ситуации – ее большая или меньшая приемлемость для А.П. Чехова.

Сущность мнения, степень приемлемости, фактор адресата определяют содержание и стиль мнения: «*Откладывать просвещение темной массы в далекий ящик, это такая низость!*» (А.С. Суворину, 13 апреля 1895); «*Мнительность – это эгоизм 84 пробы*» (А.С. Суворину, 17 марта 1890); «*Иной раз посмотришь в рецепт и только руками разведешь*» (Н.А. Лейкину, 8 июня 1892); «*Между друзьями и близкими, я полагаю, можно обходиться и без китайских церемоний, особливо в грошевых счетах*» (Г.М. Чехову, 9 февраля 1888); «*Начало и конец читаются с интересом, но середина – жеваная мочалка. Не хватило пороху!*» (Е.М. Линтваревой, 9 октября 1888); «*Я человек честлюбивый по самые уши, а потому можете понять, какую ценность имеет для меня рецензия, написанная таким страшным литературным гением, как Вы*» (А.С. Суворину, 4 февраля 1889); «*Ругается, как извозчик, и на жизнь богачей-аристократов смотрит оком прачки*» (А.С. Суворину, 1 ноября 1889).

Мнения об адресате, объекте речи, манере поведения и др. обладают различной «жесткостью» выражения. Ср.: *смотрит оком прачки, жеваная мочалка и руками разведешь*. По отношению к себе писатель принимает обычную для него иронически-шутливую позу: «честлюбивый по уши». Принципиальные проблемы бытия получают четкую оценку: «*откладывать в далекий ящик просвещение – низость!*».

Коммуникативная ориентация писем А.П. Чехова определяется тем, какой тип изложения избран автором: спокойно-констатирующий, патетический, лирический, шутливый, иронический или нравоучительный – по отношению к родным, братьям и др. Целевая установка определяет использование разного рода перифраз, общеязыковых трансформаций и большого количества фразеологических единиц (далее – ФЕ) обиходно-разговорного характера, обладающих широкой гаммой стилистических оценок. Например, цикл писем к Н.А. Лейкину периода активного сотрудничества Чехова в «Осколках» по своей речевой направленности и языковым средствам отличается от остальных циклов. Эти письма полны шутливо-юмористических перифраз, выражений, нетрансформированных и трансформированных фразеологизмов: «*Думаю, как бы и где задать храповицкого*» (письмо от 24 августа 1883); «*Первый дачный блин вышел, кажется, комом*» (письмо от 25 июня 1884); «*Рад служить во все лопатки, но ничего со своей толкастикой не поделаю*» (письмо от 22 марта 1885).

Письма сахалинского периода и путешествий по Сибири отражают глубокие и тягостные раздумья А.П. Чехова о жизни ссыльных, что находит отражение в их языке и стиле: «*Интеллигенты толпятся на пристани с выражением "второй скрипки" во всей фигуре; видимо, ни один из них не получает больше 35 руб. и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь*» (М.П. Чеховой, 29 апреля 1890); «*Я заметил, как этот пьяница презирал мужиков, на шее которых жил*» (М.П. Чеховой, 17 мая 1890); «*Всю дорогу я голодал, как собака*» (А.С. Суворину, 20 мая 1890).

Письма к Лике Мизиновой проникнуты искрометной шуткой, оригинальной манерой использования ФЕ, переработкой общепринятых устойчивых сочетаний: *«Ваш от головы до пяток, всей душой и всем сердцем, до гробовой доски, до самозабвения, до одурения, до бешенства»* (письмо от 28 июня 1892); *«Без Вашего позволения я не женюсь и, прежде чем жениться, я еще покажу Вам Кузькину мать, извините за выражение»* (письмо от 21 сентября 1898); *«Ну, до свидания, кукуруза души моей»* (письмо от 28 июня 1892). И, наконец, тон писем к жене Ольге Леонардовне Книппер глубоко лиричен, интимен: *«Милая актрисуля, роль Анны и сама пьеса не стоят того, чтобы из-за них портили столько крови и нервов»* (письмо от 1 ноября 1899); *«Миллюся моя, ангел мой, я не пишу тебе, но ты не сердись, снисходи к слабостям человеческим»* (письмо от 5 сентября 1900).

Для эпистолярной деятельности характерны специфические коммуникативно-речевые формулы, определяемые социокультурным статусом адресанта. В их составе имеется большое количество языковых формул – ФЕ и клише, стилистически окрашенных средств речи, готовых и удобных в употреблении единиц, обладающих экспрессивной и образной нагрузкой. Коммуникативные требования письма определяют употребление той или иной языковой единицы, но А.П. Чехов создает и собственные этикетные формулы с определенным стилистическим настроением.

«За Вашу любезную телеграмму по поводу постановки "Вишневого сада" приношу Вам мою сердечную благодарность» (А.Ф. Марксу, 3 февраля 1904); *«Крепко жму руку и шлю сердечное спасибо за письмо»* (Л.А. Авиловой, 14 февраля 1904); *«По поручению мамы и по собственному побуждению спешу поздравить Вас с праздником и пожелать всего хорошего»* (О.Р. Васильевой, 22 марта 1904); *«За Ваше приветствие приношу Вам самую глубокую благодарность, прямо от сердца»* (Ф.Д. Батюшкову, 19 января 1904); *«На вокзал не поеду тебя встречать, а буду поджидать дома, с распростертыми объятьями»* (О.Л. Книппер-Чеховой, 22 марта 1903); *«Если внемлете моей просьбе, то я буду Вам благодарен во веки веков и напишу Вам столько рассказов, сколько Вы пожелаете...»* (Ф.А. Куманину, 8 января 1890).

Ср.: *«Желаю от души, чтобы Ваша новая изба была красна и углами и пирогами»* (Н.А. Лейкину, 7 октября 1887); *«Будьте здоровы счастливец, и да приснится Вам, мирно почивающему на лаврах, черт с рогами!»* (В.А. Тихонову, 7 ноября 1889). Последние две иллюстрации включают шутливые «этикетные» формы общения с близкими ему собеседниками. Стилистическая значимость этих формул свидетельствует о функциональном смещении узואльно-стилевого в речевом, эпистолярном употреблении.

Концовка письма представляет собой также этикетную формулу-клише, завершающую письменное общение с «отдаленным в пространстве» собеседником: «с уважением Чехов», «уважающий Вас Чехов» и т.д.

Концовка письма А.П. Чехова отличается оригинальностью, индивидуальностью, юмористичностью в зависимости от личности и отношений с ней «отдаленного» собеседника речи. Необычность заключительного аккорда письма – это нередко выход за нормы литературного языка, ориентация на авторское «я», то есть образ автора в его отношении к адресату:

✓ А.Н. Плещееву – *«Душевно преданный дебютант Антуан Чехов»* (3 февраля 1888);

✓ В.А. Тихонову – *«Именинник Вашего сердца А. Чехов»* (10 января 1892);

✓ Ю.И. Лядовой – *«А. Чехов. Больных дел мастер»* (21 сентября 1880);

✓ Г.М. Чехову – «Любящий, но упрекающий в нерадении А. Чехов» (25 апреля 1886);

✓ Чеховым – «Испрашивая Вашего благославения, остаюсь любящие брат и сестра Антоний и медицина Чеховы» (17 января 1887); «С почтением за Гуго-Ворлих Иоганн Гофф» (22–23 февраля 1887); «Сожалеющий о тебе брат твой, собственник и полезный член общества А. Чехов» (15 апреля 1894);

✓ Л.С. Мизиновой – «Прощайте, злодейка души моей. Ваш Известный писатель» (11 января 1891); «Остаюсь преданный Вам А. Кислота» (21 января 1891); «Предводитель дворянжек Головин-Ртищев» (июнь-июль 1891); «Будьте благополучны и не забывайте побежденного Вами Царя Мидийского» (28 июня 1892).

Языковая личность, степень выраженности авторского «я» определяют коммуникативную стратегию письма, определяют форму речи, отбор лексико-фразеологических средств и общую стилистическую тональность сообщения.

Коммуникативная функция языка, определяющаяся установкой отправителя информации, позволяет ему выразить свое отношение к речи, передать авторскую позицию. Любая единица может приобретать те признаки, которые определяются желанием автора эстетически воздействовать на адресата. Отражение в тексте авторского видения мира, авторской оценки через своеобразие языковых средств, вносящих вклад в реализацию поставленной задачи, – вот что определяет коммуникативную стратегию текста. Авторская передача картины мира – глубоко творческий процесс, где постоянно обновляются предметы изображения. В этом творческом акте проявляется состояние и работа «духа» писателя, его авторское «эго». В языковой картине мира Антона Павловича Чехова имеется установка на фразеотворчество в рамках существующих языковых закономерностей с целью:

1) отражения в языке своих писем фрагментов концептуальной картины мира;

2) создания емких, колоритных художественных образов, которые передают адресату ассоциации автора и помогают воссоздать во всей полноте воображаемую картину;

3) оригинальной формой интерпретации заставить читателя взглянуть на вещи по-новому, по мысли «образа автора».

Каждое использование фразеологических единиц в чеховских письмах, даже в непреобразованном виде, является предметом целенаправленного отбора автора, а также содержит элемент коннотации, идущий от авторского замысла, задания. Индивидуальное фразеологическое преобразование несет на себе печать своеобразного поэтического видения художника слова. Основная причина индивидуально-авторского фразеотворчества заключается, вероятнее всего, не просто в усилении выразительности, а в стремлении связать семантику, эмоциональное и стилистическое значение с неповторимыми условиями текста и выразить авторскую позицию (этическую, эстетическую и др.) своими средствами.

Например: «Природа на Сингапуре выше всякой критики...» (Н.А. Лейкину, 11 августа 1890); «...автор должен быть гуманен до кончика ногтей» (Е.М. Шавровой-Юст, 28 ноября 1895); «Теперь у меня работы меньше, <... > придется закрыть свою медицинскую лавочку» (Л.Я. Гуревич, 10 сентября 1892); «Если пьеса провалится, то поеду в Монте-Карло и проиграюсь до положения риз» (О.Л. Книппер-Чеховой, 20 января 1901).

Сравните языковые модели авторских трансформ: *ниже всякой критики* (языковой антоним), *до конца ногтей + до кончиков пальцев = до кончика ногтей* (контаминация); *закрывать лавочку* (вклинивание в авторскую ФЕ атрибутов); *затыкать за пояс* (в речи писателя глагольный компонент представлен лексическим синонимом); *напиться до положения риз* (изменение окружения единицы в тексте).

Один из важнейших принципов коммуникативной стратегии текста заключается в том, чтобы языковая форма наилучшим способом отражала интенции автора текста. В языке художественной литературы (в эпистолярном тексте как ее особой разновидности) любая языковая единица и в особенности фразеологизм определяются автодирижированием процессом воздействия на читателя.

Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою концепцию адресата, то есть стратегию, «рассчитанную» на адресата. В таком интимном жанре, как эпистолярный, возникает максимальная внутренняя близость адресанта и адресата. Без учета понимания адресата нельзя понять ни содержания, ни стиля речи.

Обращаясь к проблеме адресата, М.М. Бахтин существенно углубляет понимание адресатом высказывания, то есть того, что хочет сказать автор. «Всякое высказывание всегда имеет своего адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает... Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего наадресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [1, с. 305].

Понятие наадресата существенно для стратегии текста: адресатом может быть лицо, которому направлено письмо, или круг близких лиц, но наадресатом могут быть (в широком понимании этого слова) читатели-современники, читатели-потомки, читатель-метанаблюдатель, интерпретирующий в метаописании высшую инстанцию ответного понимания.

Следовательно, фрагмент коммуникативной стратегии «адресант – текст – адресат» в своем заключительном звене может предполагать полифонию истолкований текста. Относительная свобода в преобразовании фразеологических средств, ориентирующихся на точку зрения пишущего, уравнивается внутренней организацией высказывания.

В письмах к литераторам раскрывается отношение А.П. Чехова к своему творчеству, творчеству других авторов, содержатся оценки собственного труда и излагается такая информация, которая особенно ценна наадресату (третьему) – нам, нашим современникам, понимающим и распознающим многое из того, что не было актуально для его времени.

«Вы поймете всю цену и прелесть этого ответа, если вообразите себе г. Чехова, пишущего, потеющего, исправляющего и видящего, что от тех революционных переворотов и ужасов, какие терпит под его пером повесть, она не становится лучше ни на единый аз» (А.Н. Плещееву, 14 сентября 1889); *«Надо многое сократить и кое-что исправить, исправил бы я теперь, но голова настроена на сахалинский лад, и во всем, что касается изящной словесности, я теперь не в состоянии отличить кулька от рогожи»* (А.С. Суворину, 15 марта 1890); *«Страсти мало; прибавьте к этому и такого рода психопатию: ни с того ни с сего, вот уже два года, я разлюбил ви-*

деть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару – одним словом, стал дурак дураком» (А.С. Суворину, 4 мая 1889); «Пишу я ее (повесть – Н. К.) не спеша, как гастрономы едят дупелей: с чувством, с толком, с расстановкой» (А.П. Плещееву, 23 января 1888); «Мой "Медведь" следовало бы назвать "Дойной коровой". Он дал мне больше, чем любая повесть» (Е.К. Сахаровой, 13 января 1888); «У других авторов такие слова, как, например, "фаталистически", проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом» (А.М. Пешкову (М. Горькому), 8 января 1899).

Письма к братьям полны знаменитого чеховского юмора, выполняющего экспрессивный аспект коммуникации, который связан с эмоционально-психической деятельностью. Последняя раскрывает надресату эмоции, субъективную модальность и прагматику чеховского текста: «Стану по ниточкам разбирать твое письмо, от "а" до ижицы включительно» (Ал.П. Чехову, 20 февраля 1883); «Как некий Цынцынатус, я провожу все время в труде и кушаю хлеб свой в поте лица» (Ал.П. Чехову, 21 марта 1892); «Так как и ты принимал участие в увенчании меня лаврами, то часть моего сердца посылается и тебе. Возьми сию часть и скушай» (Ал.П. Чехову, 13 октября 1888); «Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратится твой медовый месяц в нашатырно-квасцово-купоросный» (Ал.П. Чехову, 13 августа 1889); «Сижу в осеннем пальто, стараюсь родить субботник, но вместо мыслей из головы выдавливаются какие-то выморозки» (Ал.П. Чехову, 20 мая 1887).

Живая речь всегда экспрессивна, ибо она представляет «положение дел в мире» в таком модусно-диктальном аспекте (аспекте коммуникативной стратегии), когда, наряду с отображением реальной картины мира, всегда находится место для переживаний человека. Экспрессивная окраска речи весьма многообразна и многопланова и может рождать полифункциональность оценок. Это тоже надресное явление. Ср. последнюю иллюстрацию, которая обладает широким диапазоном интерпретации ее адресатом: 1) жалостливое отношение к автору письма; 2) самооценка эмоционального состояния автора письма; 3) стилистические коннотации – горько-уничажительно-неодобрительные; 4) когнитивное состояние психики адресата и др.

Духовный облик писателя, мир его интеллектуальных и эмоциональных ценностей, отражающих черты характера и, как следствие, стереотип языкового поведения, составляют основу художественного творчества, к которому относятся и эпистолярные, интимно-«открытый» жанр, раскрывающий душу художника слова. В каноническую жанровую структуру – форму традиционного письма – великий стилист А.П. Чехов вносит поэтику новизны, неожиданности и девиации.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979.
2. Кант И. Критика практического разума / И. Кант // Кант И. Сочинения : в 6 т. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М., 1983.